

Научная статья

УДК 821.161.1+82.0

DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-83-96

«Блудный сын» и Балда: о незамеченном диалоге Н. Д. Ахшарумова и М. Е. Салтыкова-Щедрина

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

alexey-kozlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

На материале художественных и публицистических произведений Н. Д. Ахшарумова и М. Е. Салтыкова-Щедрина реконструирована история творческих взаимоотношений двух писателей, являющихся современниками. В центре внимания диалог Ахшарумова как автора романа «Мудреное дело» и повести «Блудный сын» с текстами и контекстами творчества Салтыкова-Щедрина. Прослежено изменение эстетических позиций писателей, отразившееся в оценке картины Н. Н. Ге «Тайная вечеря». Сделано предположение о влиянии «журналистского романа» «Мудреное дело» (1864) на фабульную канву романа «Дневник провинциала в Петербурге» (1872). Показано, что в своих поздних произведениях (в частности, в повести «Блудный сын» (1890)) Ахшарумов ориентировался не на поэтику, а на репутацию и биографию своего современника. Статья посвящена 200-летию со дня рождения М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова

русская литература XIX века, Ахшарумов, Щедрин, литературная репутация, прототип, памфлет

Для цитирования

Козлов А. Е. «Блудный сын» и Балда: о незамеченном диалоге Н. Д. Ахшарумова и М. Е. Салтыкова-Щедрина // Сюжетология и сюжетогрaфия. 2026. № 3. С. 83–96. DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-83-96

© Козлов А. Е., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетогрaфия. 2026. № 3. С. 83–96
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 83–96

“The Prodigal Son” and Balda: on the unnoticed dialogue of N. D. Akhsharumov and M. E. Saltykov-Shchedrin

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

alexey-kozlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

The article reconstructs the history of the creative relationship between N. D. Akhsharumov and M. E. Saltykov-Shchedrin, drawing on the two writers' fiction and journalistic works. The focus is on the dialogue between Akhsharumov, the author of the novel *A Tricky Business* and the story *The Prodigal Son*, and the texts and contexts of Saltykov-Shchedrin's work. We trace the writers' evolving aesthetic positions, reflected in their assessments of N. G.'s painting *The Last Supper*. A hypothesis is advanced regarding the influence of the “journalistic novel” *A Tricky Business* on the plot of the novel *The Diary of a Provincial in St. Petersburg*. It is demonstrated that in Akhsharumov's later works, the writer focused not on the poetics of his contemporary, but on the reputation and biography of his contemporaries.

The article is dedicated to the 200th anniversary of the birth of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Keywords

19th-century Russian literature, Akhsharumov, Shchedrin, literary reputation, prototype, pamphlet

For citation

Kozlov A. E. “The Prodigal Son” and Balda: on the unnoticed dialogue of N. D. Akhsharumov and M. E. Saltykov-Shchedrin. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 83–96. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-83-96

Михаил Евграфович Салтыков и Николай Дмитриевич Ахшарумов, будучи современниками, не были представлены друг другу лично, не обменивались письмами и относились к разным литературным кругам [Венгеров, 1898; Майорова, 1989], несмотря на некоторые биографические пересечения: оба они, «люди сороковых годов», обучались в Царскосельском лицее, начинали службу в канцелярии военного министерства, наконец, находясь в непосредственной близости к М. В. Буташевичу-Петрашевскому и его кругу, оказались под секретным надзором. В отличие от Салтыкова, Ахшарумов, рано оставивший круг русских фурьеристов и еще не начинавший писать, сослан не был (в то время как его брат, произносивший политические речи, был отправлен в Херсонские арестантские роты, после чего четыре года провел на Кавказе) и уже в 1850 г. оставил службу¹.

Замкнутая личная жизнь Н. Д. Ахшарумова и декларируемая им внепартийность явным образом контрастирует с открытостью Салтыкова-Щедрина, сделавшего частью публичной сферы не только службу, но и литературу [Русский реализм..., 2020]. Политические взгляды Щедрина, транслируемые в его публицистике, как и насмешливое отношение к Молчалиным, собирающимся «годить» [Строганова, 2017], явным образом контрастируют с охранительным направле-

¹ В биографической части статьи используются материалы, подготовленные А. Е. Козловым для приложения к монографии [Творческое наследие М. Е. Салтыкова..., 2026].

нием Ахшарумова, провозгласившего в своих статьях эстетический принцип освобождения искусства. Не лишена интереса критика «мыслящего пролетариата», данная в статье Ахшарумова «О порабощении искусства»: «Кто нужен для общества? Солдат нужен, чтобы нас не убили и не ограбили, хлебопашец нужен, чтобы не умереть с голода, ремесленник и фабрикант нужны, чтобы не замёрзнуть нам без платья и не ободрать себе ноги о жёсткий щебень дорог, учёные <...> но что касается поэтов, драматиков и романистов, то это уже неоспоримо-лишние люди, это всё васильки, случайно вырастающие на ниве между колосьями ржи» (Ахшарумов, 1858, с. 300). Сохранившееся в писарской копии письмо М. Н. Каткову², равно как и серия литературных разборов, опубликованных в журнале «Всемирный труд»³, дополняют портрет писателя-беллетриста умеренно-либерального направления.

Ключевое расхождение М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. Д. Ахшарумова проявилось в их публицистике. Если Щедрин в большей мере солидаризовался с реальной критикой (несмотря на обсуждаемый «раскол в нигилистах», вынудивший его покинуть «Современник» [Нечаева, 1975]), Ахшарумов в 1860-е гг. оставался сторонником концепции чистого искусства. В этом можно убедиться, обратившись к сравнению отзывов на картину «Тайная вечеря». Эта картина, как известно, стала прецедентом, с одной стороны, давая критике повод соотносить замысел художника с сюжетом книги Ренана «*Vie de Jésus*» (1863), с другой же — заставляя видеть в позе и мимике Христа изображение Герцена⁴.

Вероятнее всего, в 1863 г. Ахшарумов был в европейском путешествии, во Флоренции, где и имел возможность познакомиться с шедевром⁵. В статье «Замечательная картина» (1863), опубликованной в том же году в «Санкт-Петербургских ведомостях», он не скупился на хвалебные слова и высокие оценки для своего отзыва.

И у Леонардо Винчи (как у многих других) главное лицо, человечески говоря, находится вне события, не имеет с ним личного непосредственного живого участия. Это абстракт того высокого превосходства над окружающим и божественного, невозмутимого спокойствия, которые мы находим в догмате, но которые недостаточны для картины. В картине Ге — ничего

² «Вы знаете тоже, какая масса невежества, фарисейства и шарлатанства вырабатывается у нас под видом здоровой пищи, и с какою алчностью всё это пожирается и проглатывается. Против такого зла довольно ли выступать в месяц или в неделю раз, и не удобнее ли иметь в полном своем распоряжении ежедневный орган печатного слова, читаемый большинством, не по прихоти на досуге, а по нужде, по совершенной необходимости. А что орган будет в полном распоряжении редактора издателя, то в этом не следует сомневаться» (Письмо Н. Д. Ахшарумова М. Н. Каткову, писарская копия (НИОР РГБ. Ф. 120 (Катков М. Н.). Ед. хр. 23)).

³ После смерти Е. Н. Эдельсона Ахшарумов становится ведущим критиком журнала «Всемирный труд». Он отзывается на романы «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Меж двух огней» М. В. Авдеева, «1805-й год» («Война и мир») Л. Н. Толстого. См. об этом: [Алексеева, 2024].

⁴ Последнее обстоятельство дало основание для фривольного перефразирования: картину художника негласно стали называть «тайная сходка».

⁵ Сам Ге впоследствии признавал: «Первый, кто мне открыл то, что я сделал, был Н. Д. Ахшарумов» (цит. по: (Стасов, 1904, с. 40)).

похожего на те «Тайные вечера», которые мы видели до сих пор. Комната, освещение, стол, группа лиц, расположенных вокруг, – все имеет характер чего-то, в первый раз вами увиденного и поражающего своим оригинальным характером. Вы чувствуете, что автор не имел дела ни с кем из своих предшественников, что он взял свой сюжет из первых рук, – почерпнул его из источника, и понял его, пережил своим сердцем во всей полноте (Ахшарумов, 2019, с. 129).

Усиливая пафос в духе Аполлона Григорьева, Ахшарумов в своей заметке не только ставил Ге на один уровень с творцами Возрождения, но и возвышал его над ними [Русская культура..., 2024].

В отличие от Ахшарумова, восторженно принявшего картину, Салтыков занял более осторожную позицию, солидаризуясь с точкой зрения профана:

Художник имел в виду изобразить в своей картине совсем не ряд носов, поражающих разнообразием и красотой; он имел в виду представить в живом образе величайшее событие, и представить так, чтобы толпа зрителей его поняла и чтобы смысл события не затемнялся никакими преувеличениями. Я, с своей стороны, очень рад, что нашелся наконец добрый человек, который написал картину собственно для меня, зрителя толпы, а не для знатоков-педантов, которые могут, если желают, уловлять правильность носов в других картинах, в изобилии находящихся на выставке (Салтыков-Щедрин, 1968, с. 149).

Однако в течение 1860-х гг. многое поменялось: под влиянием своего друга Ю. Г. Жуковского Ахшарумов обратился к работам П.-Ж. Прудона и И. Тэна. Поздняя статья «Задачи живописи в период образования русской народной школы» (1884) свидетельствует о результатах такого чтения:

Весьма замечательная по мысли, она <«Тайная вечеря». – А. К.> по небрежности исполнения напоминает скорее бойкую подмалёвку, чем мастерски оконченную картину. К Иванову эта вещь примыкает по реализму своей обстановки и по естественности в экспрессии главных лиц. Но экспрессия эта, у Христа в особенности, груба, и черты, положение тела, сама драпировка на этой фигуре – вульгарны. От этого даже несомненная простота всей сцены в итоге приобретает что-то топорное. Картина была привезена из Флоренции в счастливый день. Цвет петербургской интеллигенции именно в ту пору заинтересован был в высшей степени книгой Ренана, рассматривающей земную жизнь Христа с ее исключительно-человеческой стороны. Книга опередила картину всего на несколько месяцев; но, не взвизывая на то, что именно это почти одновременное их появление свидетельствовало, как мало «Тайная вечеря» могла быть написана под влиянием «Жизни Христа», публика и печать, находя в картине ту же реалистическую концепцию, встретили эту обновку с восторгом, который искренне разделяла и вся академическая молодёжь. Этим и кончилось (Ахшарумов, 2019, с. 332).

Нетрудно убедиться в том, что успех картины в этой интерпретации определяется слагаемыми культурно-исторического метода Тэна: национальной спе-

цифкой живописи, средой, в которой появилась картина Ге, и исключительностью момента. В то же время поздний отзыв о картине Ге мог быть скорректирован отзывом Щедрина⁶.

Однако взаимодействие Ахшарумова и Щедрина свидетельствует о возможном диалоге не только в публицистике, но и в беллетристике, некоторые составляющие которого мы рассмотрим в настоящей статье.

Первым и наиболее весомым фактором взаимовлияния становится опубликованный в «Эпохе» роман Н. Д. Ахшарумова «Мудрёное дело», название которого отсылает к ранней повести Щедрина «Запутанное дело». Такая отсылка не выглядит случайностью. Как известно, дебютное произведение Ахшарумова «Двойник» вышло в 1850 г. в «Отечественных записках» и прямо отсылало читателя к повести Ф. М. Достоевского, опубликованной несколькими годами ранее. В 1860-е гг. ситуация повторилась: только в качестве ориентира «двойник господина Двойникова», как называл Ахшарумова обозреватель «Современника» (Некрасов, Панаев, 1850, с. 100), выбрал раннюю повесть Салтыкова-Щедрина.

Выбор такого ориентира, предположительно, связан с тематикой ранних щедринских текстов и их прототипической основой. Повесть «Запутанное дело» построена на сюжетах и мотивах натуральной школы: *история маленького человека, чиновничий сюжет, неразделенная любовь, безумие*. По мнению Т. И. Усакина, ранняя повесть Щедрина может быть прочитана как своеобразный роман с ключом, на страницах которого угадываются портреты Плещеева, Спешнева и брата писателя Д. Д. Ахшарумова [Усакина, 1965].

Варьирующий в самом названии раннюю повесть Щедрина Ахшарумов выстраивает сюжетную схему, близкую к «Утраченным иллюзиям» О. де Бальзака и другим произведениям об организации журнального дела. Подзаголовок «Очерки из летописей русской словесности» свидетельствует о том, что сюжет должен прочитываться как *true story*: у большинства героев должны были быть прототипы, а коллизии, объединяющие сотрудников описанной редакции, могли проецироваться на действительные события и происшествия. Так, в истории вымышленного журнала «Дело» (журнал с таким названием начнет издаваться только в 1867 г.) прочитываются эпизоды из истории журналов «Современник» и «Время», а в мелодраматической фабуле – история отношений И. И. Панаева (чья повесть «Литературная тля» является еще одним очевидным претекстом), А. Я. Панаевой и Н. А. Некрасова.

⁶ В то же время на изменение исходной точки зрения могла повлиять оценка, развернутая в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Достоевский увидел в картине Ге своеобразное «умаление искусства»: «Всмотритесь внимательнее: это обыкновенная ссора весьма обыкновенных людей <тайная сходка>. – А. К.>. Вот сидит Христос, – но разве это Христос? Это, может быть, и очень добрый молодой человек, очень огорченный ссорой с Иудой, который тут же стоит и одевается, чтобы идти доносить, но не тот Христос, которого мы знаем. К Учителю бросились его друзья утешать его; но спрашивается: где же и причем тут последовавшие восемнадцать веков христианства? Как можно, чтоб из этой обыкновенной ссоры таких обыкновенных людей, как у г-на Ге, собравшихся поужинать, произошло нечто столь колоссальное? Тут совсем ничего не объяснено, тут нет исторической правды; тут даже и правды жанра нет, тут все фальшивое. С какой бы вы ни захотели судить точки зрения, событие это не могло так произойти: тут же все происходит совсем несоразмерно и непропорционально будущему» (Достоевский, 1994, с. 91).

Российский Люсьен Шардон, Василий Григорьевич Бубнов, молодой человек из провинции, выступает в классической роли простака, отсталого, по оценке его петербургского окружения. Повествование в романе строится на основе дневника главного героя, который в первых же строках признается:

Кто был сен-симонист или фурьерист или гегелист, тот так себя и называл фурьеристом или гегелистом. А теперь нет; никто не сидит у себя на пороге и не отстаивает домашних богов; всякий предпочитает идти набегом в чужие земли, уступая другим без боя свои, и от этого разрушение страшное. А что касается до тех строгих разграничений, до тех катехизисов, на которые намекал Касимов, то, может быть, они и есть, но я их не видал. Если и есть, то, должно быть, их прячут от непосвященных. Говорят, в литературном кругу есть партии?.. К несчастью, я с литераторами, по крайней мере с отъявленными, до сих пор не сталкивался и потому не могу судить; но в обществе, в обыкновенных кружках, все это скользко и гибко до крайности. Не разберешь, кто что думает, и кому что нужно... (Ахшарумов, 1864, с. 66).

Не лишено интереса, что, работая над «Дневником провинциала в Петербурге», Щедрин опирается на сходную сюжетную модель. Как и Ахшарумов, он выбирает форму дневника, при этом повествование делегируется профанному рассказчику. И в том и в другом произведении в центре внимания оказывается газетно-журнальный мир. В отличие от Ахшарумова, Щедрин соединяет в своем романе фикциональный мир русской литературы (в духе фельетонов Нового поэта, сатир «Искры» и других сатирических еженедельников) и внеположный ему литературный быт «Старейшей Всероссийской пенкоснимательницы». Радикально отличаются и финалы произведений: простак Бубнов полностью выздоравливает после удара и временного помешательства и обретает семейное счастье с раскаявшейся нигилисткой, в то время как протагонист Щедрина закономерно оказывается в сумасшедшем доме.

Разумеется, между «Мудрёным делом» и «Дневником...», опубликованным в 1872 г., – «дистанция огромного размера». Однако Щедрин, в отличие от многих своих современников, был чрезвычайно восприимчив к текстам и контекстам «противоположного лагеря». Так, в свое время раскритиковав «Современную идиллию» В. П. Авенариуса, Щедрин позаимствовал это название для одного из своих концептуальных сочинений.

Симптоматично, что в 1870-е гг. отношения между писателями интенсифицируются. С одной стороны, Щедрин был одним из немногочисленных критиков, кто поддержал роман Ахшарумова «Мандарин», указав на социальное значение произведения. Тем самым редактор «Отечественных записок» вступил в заочную полемику с Н. В. Шелгуновым, утверждавшим в рецензии «Превращение мошек в букашек и героев» (1871), что вина героев романа целиком и полностью находится в зоне ответственности создавшего их автора⁷. Более того, после публи-

⁷ Близкую к Шелгунову критику высказал и А. С. Суворин: «Г. Ахшарумов намерен, по-видимому, твердо и неизменно держаться установленного им (в статье “О порабощении искусства”, напечатанной несколько лет назад в “Отечественных записках”), правила о безграничной свободе поэтического творчества: он продолжает сочинять романы и повести

кации романа «Мандарин» Ахшарумов получает возможность опубликовать одно из самых своих известных в будущем произведений «Концы в воду» на страницах «Отечественных записок» [Мугав, 1998; Жиркова, 2019]. По-видимому, Ахшарумов и далее планировал помещать свои произведения в журнале Щедрина, но наладившееся сотрудничество было прервано резолюцией редактора, не одобдившего фрагмент новой рукописи: «Рассказ Ахшарумова до того глуп, что печатать его совсем нельзя. Попросите Забеллу возвратить его, сказав, что так как это отрывок из большой вещи, то мы печатать его не решаемся. Да и денег, дескать, у нас больших нет» (Салтыков-Щедрин, 1977, с. 93). Наконец, не лишено интереса, что создание политической аллегории, предпринятое Ахшарумовым на страницах повести «Граждане леса», и метафоризация научных открытий в его «Сказках», находит отражение в «Истории одного города» и «Сказках для детей изрядного возраста». Если в «Гражданах леса» временно обретшие дар речи животные, подобно глуповцам, постепенно утрачивают свое сходство с человеческим миром (лис Елисеевич как деспот, тиран и одновременно Прохвост соотносим с Угрюм-Бурчеевым), в «Диком помещике» и в других сказках подобная деградация социума предстает устойчивым лейтмотивом.

Явных следов взаимодействия двух писателей в 1880-е гг. обнаружить не удается. Исключение составляет повесть Н. Д. Ахшарумова «Блудный сын» (1890), опубликованная в «Русском обозрении» А. С. Суворина⁸ после смерти М. Е. Салтыкова.

Повесть имеет подзаголовок «Исповедь», провоцируя читателя на сближение героя – Николая Петровича (Н. П.) с биографическим автором.

Всякий смысленный писарь, набивший, что называется, руку мог бы меня заменить, а я?.. Кого и в чем я могу заменить? <...> Не могу быть ни столяром, ни слесарем, ни портным, ни сапожником, потому что я дворянин, а ремесло считается не дворянским делом... Преподавателем быть не могу, потому что специально не обучен ни одной науке... Короче, все сколько-нибудь самостоятельные пути для меня закрыты, благодаря моему досу́же-барскому воспитанию, и мне поневоле доступна только одна карьера – служба (Ахшарумов, 1890, с. 677).

Заметим, что эти слова отчетливо перекликаются с цитируемым выше фрагментом из статьи «О порабощении искусства», возвращая читателя к вопросу о «мыслящем пролетариате». По логике развития сюжета Н. П., подобно Василию

самого фантастического, самого несбыточного содержания. Как в «Игроке» он превращал шахматные фигуры в одушевленные и мыслящие существа; как в «Натурщице» изобразил он действительное бытие и страдание лиц, вымышляемых авторами повестей и романов и избираемых ими для проведения разных систем и утопий, так и в нынешней своей сказке он воскрешает древний животный эпос и описывает общество бессловесных созданий, как-бы общество человеческое» (Суворин, 1867, с. 2).

⁸ Сохранилась лаконичная запись в дневнике Л. Н. Толстого: «Читал биографию Бруно. Хорошо изложение его мирозерцания: бытие, порядок, гармония – дух, разум, любовь. Не дурен Блудный сын Ахшарумова...» (Толстой, 1953, с. 614). Не лишено интереса, что в романе «Чужое имя» упомянут офицер Левель, счастливо женившийся и заживший своим домом вдалеке от столицы. Нельзя исключать, что материалом для этой сюжетной линии стала личная жизнь Толстого. Об отношении Толстого к Ахшарумову см. ниже.

Бубнову из «Мудрёного дела», буквально разрывается между Леей – высокой миссией, связанной со служением обществу, и Рахилью – жизнью, подчиненной сиюминутному заработку.

Литературный мой гонорар, сравнительно с жалованием, был незначителен и, как выигрыш в карты, имел характер чего-то сверхсметного, что по своей случайности не может быть включено в регулярный бюджет. Чтобы жить литературным трудом, я должен был бы из человека, работающего по внутреннему побуждению, обратиться в поставщика в срок журнальных статей, то есть унизить себя не только в глазах товарищей, но и в понятии самой редакции. Стать чем-то вроде рабочей лошади для издателя, богатеющего на счет людей, которые служат ему не из чести, а потому что им нечего есть – это ли не падение? (Ахшарумов, 1890, с. 696).

Ресурс собственной биографии Ахшарумова, сторонившегося, по замечанию С. А. Венгерова, собственно литературных кругов, оказался недостаточным. Как и ранее, писатель обращается к историям своих современников, беря за основу жизненный сценарий М. Е. Салтыкова-Щедрина. В начале произведения Н. П., избравший псевдоним «Балда», напоминающий о пушкинском работнике, обращается к обличительной литературе.

Статья появилась в толстом передовом журнале, но, вероятно, осталась бы незамеченною в тех сферах, которые были ею затронуты, и во всяком случае не наделала бы такого шума, если бы недомолвки автора не подхвачены были одним из известнейших публицистов тогдашнего времени и не стали предметом яркой полемики (Ахшарумов, 1890, с. 693).

Рассказывая об успехах писателя обличительного толка, Ахшарумов описывает Н. П. как желчного мизантропа, срывающего «фиговый листок стыдливости» со служебных злоупотреблений. В этой истории успеха угадывается история печати и восприятия «Губернских очерков». Заметим, что появившиеся на страницах катковского «Русского вестника» (тогда еще – журнала либерального толка) очерки привлекли внимание редакции «Современника» и Н. Г. Чернышевского, отозвавшегося на них в специальной статье.

Литература пользовалась тогда неслыханным раньше почетом; дух времени был решительно на моей стороне, и все уступало его могущественному давлению. Начальство, конечно, делало вид, что моя журнальная деятельность его не касается, но в его обращении было нечто, свидетельствовавшее, что я не затерян больше в ряду, а стою на особом счету (Ахшарумов, 1890, с. 694).

В том же десятилетии возобновил свои попытки прославиться на литературном поприще и Ахшарумов, опубликовавший в «Отечественных записках» повесть «Игрок» (1858) и отправивший в «Русский вестник» свой роман «Чужое имя» (1861). В отличие от текстов Щедрина, произведения Ахшарумова успеха

не имели⁹, что, видимо, заставляет его «скорректировать» ситуацию литературного и гражданского успеха [Лотман, 1997]:

Этюды мои читались нарасхват в бонтонных служебных кругах, и те самые люди, которые мне служили натурщиками¹⁰, не узнавая или прикидываясь, что не узнают себя, захлебывались от удовольствия, когда щелчок попадал в кого-нибудь из товарищей (Ахшарумов, 1890, с. 696).

В финале произведения герой Ахшарумова избирает путь карьеры, надолго отказываясь от литературы. Этот выбор маркирован ветхозаветной аллюзией: «Рахиль была далека, а Лия близко, и Лия была предательски хороша» (Ахшарумов, 1890, с. 756). Именно карьера директора крупной концессии позволяет герою оставить службу (освободиться от плена египетского) и осознать свою независимость – «попасть в число изъятых от общей повинности» (Ахшарумов, 1890, с. 755). Если журналистика глазами повзрослевшего и постаревшего героя воспринималась как «каторжный труд раба, чтобы заработать себе свободу» (Ахшарумов, 1890, с. 755), то карьера обеспеченного капиталиста дает ему долгожданный вес и значение в обществе. Неслучайным выглядит и прозаический финал истории:

«Балда» забыт, да и слава Богу, ибо вы понимаете, память такого рода бросала бы тень на мои прекрасные отношения к новому моему начальству.

Оглядываясь назад, я должен сознаться чистосердечно, что я не могу пожаловаться на Провидение. *A tout compte*, оно было милостиво ко мне и взяло с меня дешево за мои ошибки... Иные места моей исповеди могут, пожалуй, заставить вас усомниться в искренности такого признания; но я прошу вас не ставить мне их на счет; потому что теперь я совершенно отрезвился и смотрю на свое прошедшее без притворства, как блудный сын, воротившийся в отчий дом, должен смотреть на заблуждения своей молодости.

Кто же из нас не увлекался?... Но вряд ли найдется много людей, которые так чистосердечно, как я, сознались бы в старых своих грехах (Ахшарумов, 1890, с. 760).

⁹ Сравнивая «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского с романом Ахшарумова, Н. А. Добролюбов писал: «Явился было ему соперник в “Чужом имени” г. Ахшарумова, но со второй же части, говорят, обнаружилась в этом романе такая неблагоприятная пошлость во вкусе романов Полевого, что читатели бросили роман недочитанным» (Добролюбов, 1861, с. 102).

¹⁰ В повести «Натурщица», опубликованной на страницах «Отечественных записок», Ахшарумов создает эффект «присвоения героя», т. е. изъятия человека из эмпирической действительности и превращение его в «раба» текста или натурщика [Зубков, 2022; Турышева, 2024]. Вероятно, он испытывал влияние своего литературного современника и, хотя никогда не отзывался о нем прямо или косвенно, избрал его своеобразным «натурщиком». Заметим, что такой метод письма категорически претил Л. Н. Толстому: «...Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить. Г-н Ахшарумов, *comme un homme de métier* и человек с талантом, должен бы это знать» (Толстой, 1953, с. 82).

В финале сюжет лишается своего мифопоэтического измерения: авантюрный сюжет выявляет обыкновенную историю посредственного человека. Как и в «Мудрёном деле», сводя антинигилистический памфлет к компромиссному примирению сторон (заметим, что Щедринские тексты традиционно завершаются катастрофой), в «Блудном сыне» Ахшарумов красноречиво показывает заблуждения обличительного направления и демонстрирует победу филистерского отношения к жизни.

Подводя итог сделанным наблюдениям, мы можем констатировать: история незамеченного диалога двух писателей важна не только, как «штрихи к портрету» Н. Д. Ахшарумова, но и пример взаимодействия сюжетов и мотивов современников в пределах литературного быта. Особенно показательно, что, начиная свой путь с эпигонского «Двойника», Ахшарумов в дальнейшем выбирает новый ориентир, связанный с ранней повестью Щедрина. С одной стороны, беллетрист мог привлечь экспериментальный характер творчества Щедрина [Пенская, 2000; Строганова, 2017]. С другой стороны, Щедрин со своим стилем, близким к реальной критике, вероятно, был дальше всего от Ахшарумова по своим взглядам и идеологическим установкам, чем определилась диалектика рассмотренных отношений.

Как бы то ни было, сюжет «Дневника провинциала в Петербурге», текста, который опубликован в то самое время, когда в поле зрения Щедрина оказывается беллетристика Ахшарумова, свидетельствует о том, что это движение не было односторонним. Симптоматичен интерес обоих писателей к политическому дискурсу и языку аллегорий, проявившийся в «Гражданах леса», «Истории одного города» и авторских сказках, существующих в амплитуде от басни до притчи. Наконец, примечательна контаминация литературных репутаций, осуществленная в повести «Блудный сын» на «жизненном материале»: Салтыкова как успешного чиновника, Щедрина как популярного журналиста и писателя и Ахшарумова, вынужденного всю свою жизнь пребывать в тени более успешных и признанных современников.

Список литературы

- Алексеева Е. М. «Всемирный труд» (1867–1872): история одного журнала // Сюжетология и сюжетография. 2024. № 2. С. 40–70. DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-40-70
- Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь. СПб., 1898. Т. 1. 992 с.
- Жиркова М. А. Роман Н. Д. Ахшарумова «Концы в воду» в истории развития русского детектива XIX века // Art Logos. 2019. № 1 (6). С. 18–30.
- Зубков К. Самокритичный реализм: Три новые книги о русской прозе середины XIX века // Russian Literature. 2022. Vol. 130. P. 95–109.
- Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. 845 с.
- Майорова О. Е. Ахшарумов, Н. Д. // Русские писатели: Биографический словарь / Под ред. П. А. Николаева. М., 1989. Т. 1. С. 301–302.
- Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. 302 с.

Козлов А. Е. О незамеченном диалоге Н. Д. Ахиарумова и М. Е. Салтыкова-Щедрина

Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М., 2000. 189 с.

Русская культура в зеркале периодики Российской империи рубежа XIX–XX вв. Красноярск: СФУ, 2024. 330 с.

Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование / Отв. ред. М. Вайсман, А. В. Вдовин, И. Клигер, К. А. Осповат. М.: НЛЮ, 2020. 568 с.

Строганова Е. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Диалог с современниками и предшественниками. М.: Флинта, 2017. 196 с.

Творческое наследие М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина) и современность: К 200-летию со дня рождения писателя / Под ред. Е. Н. Строгановой. М.: ИМЛИ, 2026. 404 с.

Турьишева О. Н. Сюжет перевода в роман как форма металитературной рефлексии (о возможности изображения «эстетической любви» в литературе) // Новый филологический вестник. 2024. № 1. С. 30–43. DOI 10.54770/20729316-2024-1-28

Усакина Т. И. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов: Изд-во СГУ, 1965. 160 с.

Murav H. Russia's Legal Fictions. Uni. of Michigan Press, 1998. 263 p.

Список источников

Ахиарумов Н. О порабощении искусства // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 287–325.

Ахиарумов Н. Мудрёное дело: Из летописей русской словесности. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1864. 314 с.

Ахиарумов Н. Блудный сын // Русское обозрение. 1890. № 10. С. 590–694.

Ахиарумов Н. Д. Литературная критика и эстетика / Под ред. Н. В. Володиной, С. Ю. Лавровой, В. А. Веселовой. Череповец, 2019. 426 с.

[*Добролюбов Н. А.*] Забытые люди // Современник. 1861. № 9. С. 99–149.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873. IX. По поводу выставки // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 12. С. 81–92.

[*Некрасов Н. А., Панаев И. И.*] От редакции «Современника». Литературные объяснения // Современник. 1850. № 11. С. 100–112.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 51, 61 (Письма, Дневники). 344 с., 424 с.

Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1968. Т. 6. С. 7–380.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 19 (Письма). Кн. 2. 352 с.

Стасов В. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М.: Тип. Т-ва К. Н. Кушнерев и К°, 1904. 411 с.

[*Суворин А. С.*] Библиография и журналистика // Голос. 1867. № 177. С. 1–2.

Шелгунов Н. Превращение мошек и букашек в героев // Дело. 1871. № 2. С. 1–36.

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3

Список архивов

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Москва

References

- Alekseeva E. M. "Vsemirnyi trud" (1867–1872): istoriya odnogo zhurnala. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2024, no. 2, pp. 40–70. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2024-2-40-70
- Lotman Yu. M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya: istoriya russkoi prozy, teoriya literatury [On Russian Literature. Articles and Studies: History of Russian Prose, Literary Theory]. St. Petersburg, 1997, 845 p. (in Russ.)
- Mayorova O. E. Akhsharumov, N. D. In: Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar', ed. by P. A. Nikolaev [Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow, 1989, vol. 1. (in Russ.)
- Murav H. Russia's Legal Fictions. Uni. of Michigan Press, 1998, 263 p.
- Nechaeva V. S. Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh "Epokha". 1864–1865 [The "Epoche" of Dostoevsky Brothers]. Moscow, 1975, 302 p. (in Russ.)
- Penskaya E. N. Problemy al'ternativnykh putei v russkoi literature: poetika absurda v tvorchestve A. K. Tolstogo, M. E. Saltykova-Shchedrina i A. V. Sukhovo-Kobylyna [Problems of Alternative Paths in Russian Literature: The Poetics of the Absurd in the Works of A. K. Tolstoy, M. E. Saltykov-Shchedrin, and A. V. Sukhovo-Kobylin]. Moscow, 2000, 189 p. (in Russ.)
- Russkaya kul'tura v zerkale periodiki Rossiyskoi imperii rubezha XIX–XX vv. [Russian Culture in the Mirror of the Periodicals of the Russian Empire at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Krasnoyarsk, 2024, 330 p. (in Russ.)
- Russkii realizm XIX veka: obshchestvo, znanie, povestvovanie [Russian Realism of the 19th Century: Society, Knowledge, Narrative]. Eds. M. Vaisman, A. V. Vdovin, I. Klinger, K. A. Ospovat. Moscow, 2020, 568 p. (in Russ.)
- Stroganova E. N. Roman M. E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya". Dialog s sovremennikami i predshestvennikami [Mikhail Saltykov-Shchedrin's Novel "Modern Idyll": Dialogue with Contemporaries and Predecessors]. Moscow, 2017, 196 p. (in Russ.)
- Tvorcheskoe nasledie M. E. Saltykova (N. Shchedrina) i sovremennost': K 200-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya [The Creative Legacy of ME Saltykov (N. Shchedrin) and Modernity: On the 200th Anniversary of the Writer's Birth]. Moscow, 2026, 404 p. (in Russ.)
- Turysheva O. N. Syuzhet perevoda v roman kak forma metaliteraturnoi refleksii (o vozmozhnosti izobrazheniya "esteticheskoi lyubvi" v literature) [The Plot of Translation into a Novel as a Form of Metaliterary Reflection (On the Possibility of Depicting "Aesthetic Love" in Literature)]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2024, no. 1 (68), pp. 30–43. (in Russ.) DOI 10.54770/20729316-2024-1-30
- Usakina T. I. Petrashevtsy i literaturno-obshchestvennoe dvizhenie sorokovykh godov XIX veka [The Petrashevtsy and the Literary and Social Movement of the 1840s]. Saratov, 1965, 160 p. (in Russ.)

Козлов А. Е. О незамеченном диалоге Н. Д. Ахшарумова и М. Е. Салтыкова-Щедрина

Zhirkova M. A. Roman N. D. Akhsharumova “Kontsy v vodu” v istorii razvitiya russkogo detektiva XIX veka. *Art Logos*, 2019, no. 1 (6), pp. 8–30. (in Russ.)

Zubkov K. Samokritichnyi realizm: Tri novye knigi o russkoi proze serediny XIX veka. *Russian Literature*, 2022, vol. 130, pp. 95–109. (in Russ.)

List of Sources

Akhsharumov N. O poraboshchenii iskusstva. *Otechestvennye zapiski*, 1858, vol. 119, pp. 287–325. (in Russ.)

Akhsharumov N. Bludnyy syn. *Russkoe obozrenie*, 1890, no. 10, pp. 590–694. (in Russ.)

Akhsharumov N. Mudrenoe delo: Iz letopisey russkoy slovesnosti [A Tricky Business]. St. Petersburg, 1864, 314 p. (in Russ.)

Akhsharumov N. D. Literaturnaya kritika i estetika [Literature Criticism and Aesthetics]. Eds. N. V. Volodina, S. Yu. Lavrova, V. A. Veselova. Cherepovets, 2019, 426 p. (in Russ.)

[Dobrolyubov N. A.] Zabitye lyudi. *Sovremennik*, 1861, no. 9, pp. 99–149. (in Russ.)

Dostoevsky F. M. Dnevnik pisatelya. 1873. IX. Po povodu vystavki [Writer’s Diary. 1873. Chapter IX. Regarding the Exhibition] In: Dostoevsky F. M. Collected Works. In 15 vols. St. Petersburg, 1994, vol. 12, pp. 81–92. (in Russ.)

[Nekrasov N. A., Panaev I. I.] Ot redaktsii “Sovremennika”. Literaturnye ob’yasneniya. *Sovremennik*, 1850, no. 11, pp. 100–112. (in Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. Nasha obshchestvennaya zhizn’. In: Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works. In 20 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1968, vol. 6, pp. 7–380. (in Russ.)

Saltykov-Shchedrin M. E. Pis’ma. In: Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works. In 20 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1977, vol. 19, 352 p. (in Russ.)

Shelgunov N. Prevrashchenie moshek i bukashek v geroev. *Delo*, 1871, no. 2, pp. 1–36. (in Russ.)

Stasov V. Nikolay Nikolaevich Ge, ego zhizn’, proizvedeniya i perepiska [Nikolai Nikolaevich Ge, His Life, Works, and Correspondence]. Moscow, 1904, 411 p. (in Russ.)

[Suvorin A. S.] Bibliografiya i zhurnalistika. *Golos*, 1867, no. 177, pp. 1–2. (in Russ.)

Tolstoy L. N. Collected Works. In 90 vols. Moscow: GIHL, 1953, vols. 51, 61 (Letters, Diaries), 344 p., 424 p. (in Russ.)

Vengerov S. A. Kritiko-bibliograficheskii slovar’ [Critical and Bibliographical Dictionary]. St. Petersburg, 1898, vol. 1, 992 p. (in Russ.)

List of Archives

Scientific Research Department of Manuscripts of Russian State Library (RDM RSL [NIOR RGB]), Moscow

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2026. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetologiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3

Литературная жизнь сюжета

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент
WoS Researcher ID K-6578-2017
SPIN 7472-7780

Information about the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
WoS Researcher ID K-6578-2017
SPIN 7472-7780

*Статья поступила в редакцию 03.08.2026;
одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 24.08.2026
The article was submitted on 03.08.2026;
approved after reviewing on 24.08.2026; accepted for publication on 24.08.2026*